

4. День открытых дверей факультета культурологии и социокультурной деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://buk.by/news_detail.php?ID=5377. – Дата доступа: 10.09.2020.

5. Неделя спорта и здоровья в БГУКИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://buk.by/news_detail.php?ID=5512. – Дата доступа: 12.09.2020.

6. Республиканский бал выпускников 2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://buk.by/news_detail.php?ID=5471. – Дата доступа: 12.09.2020.

7. *Тульчинский, Г. Л.* PR в сфере культуры и образования : учеб. пособие / Г. Л. Тульчинский. – СПб. : Лань : Планета музыки, 2011. – 576 с.

СОБЫТИЙНЫЙ АРТ-МЕНЕДЖМЕНТ: НАСУЩНОСТЬ СРЕДОВОГО МЫШЛЕНИЯ

И. В. Морозов,

*доктор культурологии, профессор,
профессор кафедры менеджмента социокультурной деятельности
Белорусского государственного университета культуры и искусств*

Кардинальные трансформации в картине мира последних поколений, весьма испытавших экологическую, глобализационную, общекультурную кризисную проблематику, дают основание констатировать становление новой парадигмы, которую можно назвать средовой. Она выросла из системотехнических представлений и исследований, ориентирующихся на раскрытие целостности объекта и на выявление многообразных типов связей, внутренних и внешних факторов системообеспечения. В результате констатируется, что в теории сложных систем важную роль играет понятие внешней среды, под которой подразумевается совокупность объектов, не являющихся элементами данной системы, но взаимодействие с которыми влияет на ее функционирование: система формирует и проявляет свои свойства в процессе взаимодействия со средой, являясь при этом ведущим активным компонентом взаимодействия [5].

При этом понимание среды принципиально не отличается от уже устоявшейся трактовки ее в качестве «среды обитания» («окружающая среда», «среда жизнедеятельности») или с по-

зиций характера жизнедеятельности («жилая среда», «производственная среда»).

Дальнейшие синергетические исследования самоорганизующихся систем существенно изменили представления о таких категориях, как «внешний» и «внутренний».

В этой связи актуализируются такие феномены, как «средовое видение» и «средовое мышление». Философская рефлексия этого феномена выразилась в самых разных направлениях философской антропологии, «философии жизни», феноменологии, экзистенциализме. Актуально зазвучал и теологический концепт человека в контексте «божественной среды» (П. Т. Де Шарден).

В контексте средовой парадигмы институтом образования становится вся среда жизнедеятельности, мировое информационное и культурное пространство, что ознаменовало выход за рамки формирования у учащихся определенного объема знаний, универсальных способов деятельности и состоит в создании и модернизации образовательных сред. В важности их создания убеждал еще А. С. Макаренко с его принципом «параллельного действия», представляющим идею единства воспитания и общественной жизни, личности и коллектива. При этом личность трактуется в единстве с развитием не просто педагогического состава, но с особо организованной средой с взаимным влиянием ее компонентов, ведь «воспитывает не сам воспитатель, а среда» [4, с. 61].

Закономерно, однако, что наиболее выпукло, буквально наглядно, это наблюдалось в зодчестве, которое последовательно отказывалось от миссии «организации пространства» и переходило к утверждению «средового подхода» [6].

В результате «среда» перестала быть некой метафорой, игрой профессионального дискурса, но стала объектом системного исследования и практических апробаций. Различные ветви западного постмодернизма, японского метаболизма акцентируют создание именно «жизненной среды», целостной, динамичной сферы, охватывающей все естественные и антропогенные составляющие нашего бытия. Понятие «архитектурная среда» достаточно быстро и прочно укореняется в архитектурной теории, а «средообразование» становится лейтмотивом

дискуссии о проблемах архитектуры последних десятилетий. Сегодня практически не оспаривается, что будущее – за архитектурой целостной среды.

Так, «стиль» в современной архитектуре и градостроительстве понимается уже не с позиций ансамблевых критериев, но как «стиль жизни», «стиль поведения». В их основе лежат не стороннее созерцание, не субъектно-объектные отношения, но переживание соучастия в некоем жизненном акте-событии. Субъект средового переживания синтезирует в себе качества, присущие индивиду и коллективному субъекту. Этот синтез осуществляется через понятие ролевого поведения. В определенной среде человек принимает на себя ту или иную роль, выбирая соответствующие декорации, аксессуары, маски из числа предлагаемых ему «режиссером» – проектировщиком и аранжировщиком среды. В выборе роли, в признании ее уместности здесь и теперь сливаются индивидуальные вкусы и пристрастия человека и коллективные требования, выражающиеся посредством данного средового окружения [7].

В этом случае и создается представление, образ среды, который принципиально отличается от эмоционального восприятия пространства, априори гомогенного, «безжизненного». В то время как средовой образ включает в себя и человека — и как зрителя, и как деятеля, его средства передвижения, моду, способы общения и бытовые привычки. Среда сама по себе заряжается образностью как необходимым следствием живого ее освоения, почему и роль архитектора обозначается как «enabler» – создатель возможностей, сподвижника сотворения не физического обезличенного, индивидуально «осознаваемого пространства» (Б. Рассел). Так как это есть «обжитое пространство», ойкумена, связанная не просто с продуктами жизнедеятельности и выживанием, но с переживанием и сочувствием. Не с типом и формой жизнедеятельности, но с образом жизни, экзистенцией, культурным кодом и феноменом творчества. И поскольку перечисленное не нечто ставшее и завершенное, то оно сродни потоку, которым представляется как новый тип коммуникации, знаменующий трансформацию пространства-времени [3].

Понятно, что речь идет главным образом о ментальной, глубоко человеческой, знаково-символической трансформации, которая следует из средового мышления и восприятия. И она объясняет актуальный тип диалога, где среда в ее синергетическом понимании служит местом, очищенным от «призраков» объективности, где главным должно стать субъективное восприятие. Таким образом, из структуры диалога исключается вся рациональная аргументация, акцент делается на «чувстве разговора». А выводы по поводу конкретных позиций и анализ диалога должны делаться уже после события [2]. То есть речь опять-таки идет не о некоем физическом, формальном, гомогенном вместилище, но о феноменальной, личностно переживаемой пространственно-временной, а главное – об очеловеченной одухотворенной среде. Она непременно подвигает диалог с также переживаемым временем в его синхронном и диахронном восприятии, в результате чего индивидуально осознается не только хронометражность, текучесть, продолжительность среды-события, но и его предыстория, актуальность, перспективы в развитии, а также своевременность и современность в общем культурном контексте. Человеку присуще «умение видеть время, читать время в пространственном целом мира и... воспринимать наполнение пространства не как неподвижный фон... а как становящееся целое, как событие» [1, с. 142]. Отсюда развитие контекстуализма в зодческой теории и практике, когда каждое новое архитектурное событие оценивается с позиции соответствия его историко-культурной среде, где также доминирует феномен экзистенциальной «срединности» человека. Это стало еще более востребованным ныне, когда реально создаются пространства виртуальные, где собственно пространственные измерения и конкретности не имеют решающего значения.

Отсюда же становление и распространение еще одного, можно сказать, средового принципа – партиципации, активного интерактивного соучастия в творческом процессе непосредственно проектировщика (менеджера) и адресатов (восприимчивых) совместного арт-продукта, задуманной и сформированной среды.

Тем не менее современный дискурс по этой проблематике изобилует разнохарактерными синонимами и эпитетами. Посему достаточно новое понятие «арт-пространство» в интернет-энциклопедической трактовке представляет собой «общедоступную территорию для свободного самовыражения творческой деятельности, целью которого является обеспечение средой, богатой возможностями для развития...» и «место, где должна быть создана максимально комфортная атмосфера для всех его жителей и посетителей» (подчеркнуто мною. – *И. М.*). В этом случае более адекватной представляется трактовка креативных пространств как «сообщества творчески ориентированных предпринимателей, которые взаимодействуют на замкнутой территории» (*С. Эванс*). Однако не трудно убедиться, что за всеми этими лингвистическими упражнениями обнаруживается средовая парадигма, где «место» (этимологически – «наполнение») преисполнено наполненностью, творческим участием человека. Посему насущна не просто экспликация понятий, но наполнение их адекватным смыслом. Это позволит более осмысленно, целенаправленно изучать, создавать, рефлексировать, трансформировать эти «арт-среды», «арт-кумены», «арт-хебитэты», «арт-локусы», «арт-плейсы»... Тогда и сам арт-менеджер обретет ипостась, роль и ответственность демиурга, арт-инейблера, арт-трактора (структуру-функцию, задающую устойчивое состояние синергетической системе). В этом и видится плодотворная насущность средового мышления в арт-менеджменте, а восприятие и причастность к арт-среде уже сами по себе будут впечатляющим событием.

1. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М., 1979. – 432 с.

2. *Виль, Р.* Диалог и философская рефлексия / Р. Виль // Культура. Личность. Мысль. – СПб., 1999. – С. 23–56.

3. *Кастельс, М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс ; пер. с англ. ; под науч. ред. О. И. Шкаратана. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000. – 402 с.

4. *Макаренко, А. С.* О воспитательной системе / А. С. Макаренко. – М. : Директ-Медиа, 2014. – 475 с.

5. *Садовский, В. Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ / В. Н. Садовский. – М., 1974. – 235 с.

6. *Середюк, И. И.* Восприятие архитектурной среды / И. И. Середюк. – Львов : Вища школа, 1979. – 202 с.

7. *Трушина, Л. Е.* Эстетика среды / Л. Е. Трушина // Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Вып. 1: Тез. докладов науч. конф., Санкт-Петербург, 20–21 октября 1999 г. – Санкт-Петерб. филос. об-во, 1999. – С. 84–86.

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ХОРОВЫЕ КОЛЛЕКТИВЫ УНИВЕРСИТЕТА: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

А. А. Нечай,

*кандидат искусствоведения, доцент,
заведующий кафедрой хорового и вокального искусства
Белорусского государственного университета культуры и искусств;*

В. А. Лукашевич,

*преподаватель кафедры хорового и вокального искусства
Белорусского государственного университета культуры и искусств*

Хоровое пение – искусство уникальных возможностей как исполнительских, так и образовательных. Оно всегда было, есть и будет неотъемлемой частью отечественной и мировой культуры, незаменимым фактором формирования духовного и творческого потенциала людей. Хоровое пение с его многовековыми традициями, глубоким духовным содержанием, огромным воздействием на эмоциональный, нравственный строй как исполнителей, так и слушателей остается испытанным средством музыкального воспитания.

В Белорусском государственном университете культуры и искусств созданы и всегда активно и творчески выступают смешанный хор «Дабравест», мужской ансамбль «Виват» и хор китайских студентов «Содружество».

Хор «Дабравест» был создан из числа студентов кафедры хорового и вокального искусства в 1993 г. Более 25 лет художественным руководителем хора была кандидат педагогических наук, профессор Альбина Васильевна Пекутько.

А. В. Пекутько (1940–2020) – один из опытнейших специалистов в области белорусского хорового исполнительского искусства. Более 45 лет она проработала в университете как пе-